

Анна Пигарёва

Театр сатиры и юмора

Юмористические рассказы

Анна Пигарёва

**Театр сатиры и юмора.
Юмористические рассказы**

«Издательские решения»

Пигарёва А.

Театр сатиры и юмора. Юмористические рассказы /
А. Пигарёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831530-5

«Без смешного нельзя понять серьёзное», — сказал Платон. Так думаю и я. Стараюсь писать о серьёзных вещах с иронией и юмором. Многие герои моих рассказов — сказочные существа, но они так напоминают реальных людей, да и проблемы у них те же. Читайте, улыбайтесь! Я приглашаю вас в свой театр сатиры и юмора.

ISBN 978-5-44-831530-5

© Пигарёва А.
© Издательские решения

Содержание

Список Форбс и Кот в сапогах	6
Бременские музыканты	9
А. П. Чехов приходит в театр без билета	12
Воспоминания старого разведчика	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Театр сатиры и юмора Юмористические рассказы

Анна Пигарёва

© Анна Пигарёва, 2018

ISBN 978-5-4483-1530-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Список Форбс и Кот в сапогах

Самолет вылетел по расписанию, без всяких задержек, и летел теперь на высоте примерно тридцать тысяч футов со скоростью шестьсот миль в час.

Погода была ясная и все, что было внизу, с высоты открылось геометрическими фигурами – прямоугольниками, трапециями, треугольниками и параллелограммами, окрашенными в разные цвета.

– Это, что же там внизу за сооружения такие? – спросила Королева у своего помощника и одновременно пресс-секретаря.

– Вышки нефтяные, Ваше Величество. Добыча, так сказать, углеводородов. Черное золото!

– Батюшки! – вскрикнула Королева и аж покраснела вся от зависти, вспомнив про свою, одну единственную любимую вышку.

– И чье же это всё богатство углеводородное?

– Да, Маркиза Карабаса, – отрапортовал помощник.

– Как, да разве он ещё жив? А я думала, что это всё одни только сказки.

– Жив здоров.

– Это, что же тот самый бедняк, которому отец оставил кота в наследство?

– Да, именно он.

– А это, что за дым там внизу стелется?

– Чего? Где? – не понял, уже было задремавший в наушниках помощник.

– Заводы это, Ваше Величество, металлургические. Выплавляют сталь, чугун, алюминий и так далее.

– Интересно, интересно, – заёрзала опять в кресле Королева, едва скрывая зависть, выступившую уж очень явно на ее лице. – И кто же, собственно, владеет всем этим? Кто, так сказать, является собственником?

– Минуточку, – засуетился секретарь, – сейчас гляну в Google. И он отчаянно стал колотить по клавишам, ища законного владельца.

– Это всё собственность Маркиза Карабаса. Вот сами посмотрите, – и он перевернул ноутбук, чтобы показать ей экран.

– Как! И заводы тоже его?

– Да, это всё – его.

– Это что ж тот самый, который заказал шикарные сапоги и шляпу для своего Кота, чтобы он выглядел не как кот, а как настоящий джентльмен?

– Он, говорят, последние деньги тогда отдал на это. У него аллергия на кошачью шерсть была, поэтому решил отдать последнее, только чтоб кот убирался.

– Потом и на отца, конечно, была обида – старшим то братьям – мельницу, да осла! Какое-никакое – а наследство. А как Кот ушел, он потом больше уж и не чихал, и глаза у него не слезились.

– Я что-то про аллергию первый раз слышу. Сказки, какие то! В сельской-то местности аллергия не бывает!

Внизу под ними уже пошла сильная облачность, ничего не было видно.

– Доставай тогда карту, – приказала Королева. – Буду по карте смотреть.

Она надела очки. Секретарь тоже надел очки, за которыми уже меньше стало заметно истинное выражение его лица.

– Ну, показывай, – скомандовала Королева, – где мы сейчас пролетаем?

– Примерно здесь, – ткнул наугад секретарь.

– А это что за значки такие, звёздочки восьмигранные?

– Алмазы это так обозначаются, Ваше Величество, на картах. Полезные ископаемые. Natural resources, так сказать. Тут вот их и добывают эти самые алмазы из каких-то трубок кимберлитовых. Название такое, что и не выговоришь.

– Что за трубки такие? Первый раз слышу.

– Вот у Вас, Ваше Величество, ожерелье бриллиантовое, серьги тоже, кольцо, брошка. Всё ведь это из этих алмазов и делается.

– Я за эту брошку тридцать миллиардов тогда заплатила. А серьги, то есть подвески, король подарил на день рождения. Тоже дорогие очень. Кольцо – от лорда одного. Ну, уж фамилию называть не буду.

– Хоть и не называйте, а всем давно известно, – подумал секретарь, – спецслужбы то не зря работают, сразу доложили. Но озвучивать ничего не стал.

– И кому же это всё принадлежит? – поинтересовалась королева, и даже карандашик взяла, чтобы записать фамилию.

– Сейчас уточним, – зевнул секретарь, которому все эти расследования уже прилично надоели.

– Маркизу Карабасу. – сказал он, наконец, – Именно ему.

– Вот ведь какая несправедливость, – пожаловалась Королева, – столько ему принадлежит, а мне то гораздо меньше. Выходит, всё правда, что его Кот съел этого Великана, который, как говорили, умел превращаться в различных животных. Но не нашел ничего лучшего, болван, чем превратиться в обыкновенную мышь. Сам, так сказать, и подписал себе смертный приговор!

– Все, правда. Кот его и съел. Привёл, так сказать, в исполнение, как Вы правильно заметили, этот приговор.

– А где же он сейчас то, этот Маркиз Карабас?

– Да где ж ему быть – в списках «Форбс». В первой десятке, так сказать —«top ten». Переводить, надеюсь, не надо?

– А Кот?

– С Котом хуже. Скончался он вскоре после этого обеда. Лечили его и в Швейцарии, и ещё где-то там. Маркиз не поскупился, всё лечение оплатил. Ничего не помогло. Не смог он переварить эту мышь. Осложнения желудочные пошли, непроходимость. А сапоги его и шляпа сейчас в историческом музее находятся. В виде экспонатов лежат, под стеклом! Занимают отдельную витрину! Вот такая история.

– Ну, ладно, хватит этих сказок, – строго сказала Королева, – Подавайте обед. Пассажи-ров положено на борту кормить. Входит в стоимость билета. И не забудьте, голубчик, пятьдесят миллилитров ликёра и пирожное, на десерт.

Бременские музыканты

– Работал я у одной кошки богатой телохранителем и пожарным, на полставки, – рассказывал Кот, вытирая слёзы, – А после пожара она меня выгнала. Говорит: «Надо было, дурак, пожарных вызывать, а ты, скотина такая, привлёк непрофессионалов – курица с ведром, козёл с фонарём – смех один! Вот всё и сгорело из-за тебя.

И решил тогда Кот создать музыкальный коллектив и идти в немецкий город Бремен, чтобы работать там уличными музыкантами.

Вот идёт Кот и видит, лежит на дороге собака из мультфильма «Жил-был пёс» и горько плачет.

– Ты что это, пёс, грустит? – спрашивает Кот.

– Как же мне не печалиться. Выгнали меня хозяева из хаты из-за того, что я горшок с борщом опрокинул.

– Пошёл, – говорят, – отсюда, москаль, проклятый. Иди к своим москалям. Только всё нам тут портишь. И гавкаешь не по мове. Мы лучше волка пригласим из леса хату стеречь. Он хоть и дикое животное, а высказывался за вступление в Евросоюз, в отличие от тебя.

– Пойдем со мной в немецкий город Бремен и сделаемся там уличными музыкантами. Лаешь ты громко. Ты будешь петь и в барабан бить, а я буду петь и на скрипке играть.

– Что ж, – говорит пёс, – пойдем.

Пошли они дальше вместе.

Шли они, шли и увидели петуха, который сидел на дороге и выглядел очень расстроенным, и даже «Ку-ка-ре-ку» не кричал.

Ты что, петушок, грустишь? – спрашивает его Пёс.

– Ах, – говорит Петух, – Жил я с Котом и Дроздом в лесу. Они в лес уходили дрова рубить, а я дома оставался, на хозяйстве – варил, жарил, дом убирал. Повадилась ко мне Лиса ходить. Отношения завязались. Женщина – шикарная. Меха один чего стоит! Меня бывало, обнимет: «Золотой гребешок мой, масляна головушка».

– А эти – лесорубы, естественно, завидовать стали, говорят:

«Мы там, в лесу горбатимся, домой придем – обеда нет, посуда грязная, в избе не метено, а он с Лисой шуры-муры завёл». Да и выгнали меня. «Иди, – говорят, – к своей Лисе, а нам ты больше не нужен». А Лиса меня тоже не приняла в свою нору. Сказала: «Если только бульон из тебя сварить, а так ты мне не нужен».

– А поёдем, Петушок, с нами в немецкий город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя пронзительный, диапазон широкий. Ты будешь петь и на балалайке играть.

И пошли они дальше все вместе.

Идут и видят – на дороге стоит Осёл, и глаза у него такие грустные.

– Ты что это, Ослик, приуныл, – спрашивают.

А Осёл им тоже рассказал свою грустную историю: «Работал я в одном коллективе. Играл на струнных. Репетировали мы, репетировали. Сначала вроде намечались перспективы. О славе мечтали. Думали, как отрепетируем, как заиграем, тут у нас и лес, и горы запляшут.

– А потом филармонию нашу реорганизовали, а нас всех и сократили. Иван Андреевич, директор наш, так прямо и сказал: «Нам струнные сейчас не нужны, нам сейчас баянисты и аккордеонисты необходимы, для проведения культурно-массовых мероприятий в парках для нашего населения». Ну, типа, играй гармонь и. т. д. Все мы и остались без работы – и я, и Мартышка, и Медведь, и Козёл.

– А, пойдем, Осёл, с нами в немецкий город Бремен и станем там уличными музыкантами. Ты у нас в группе будешь петь и на гитаре играть.

И пошли они дальше все вместе. Решили идти пешком, без виз и заграничных паспортов – лесом.

Настала ночь. И увидели они огонёк невдалеке. И пошли в этом направлении, потому что спать хотели, да и проголодались.

А в этом доме жили разбойники, сидели они за столом, мясо ели, да запивали вином.

А наши музыканты, в виде сюрприза, и ввалились к ним через окно. Хотели их напугать. А разбойники совершенно не испугались, а продолжали жадно есть и пить, и даже не пригласили гостей к столу. А, наевшись, вытерли масляные свои губы о рукава, а руки грязные о штаны и только тогда вступили в диалог с пришельцами.

И, почудилось этим разбойникам вдруг, тут и выпитый алкоголь сыграл свою роль, что никакие они не разбойники, а музыкальные продюсеры и надо им начинать прослушивать конкурсантов.

Расселись они по лавкам с умным видом и начали работать.

Разбойники, как известно, очень придирчивы, в принципе, и неплохо разбираются в шансоне. Не понравились им конкурсанты все, как один. Короче, забраковали они их.

Но и конкурсанты, в свою очередь, так дело не оставили. Собака давай их за ноги кусать, Кот не поленился и расцарапал каждому лицо, никого не пропустил, а Осёл так лягнул это жюри копытом, что они вылетели из домика, а приземлились уже на поляне, а Петух ещё и «Ку-ка-ре-ку» им вдогонку исполнил.

А наши музыканты сели всем коллективом за стол и стали пить, да закусывать, о чем уже давно им мечталось.

– А давайте не пойдем в немецкий город Бремен через границу, да без виз, да без паспортов, – сказал Кот, еле ворочая языком, так как крепких напитков до этого сроду не пробовал.

– А давайте не будем создавать музыкальный коллектив, – сказал Осёл, абсолютно трезвый, несмотря на три литра выпитого.

– А давайте будем и плясать, и петь только для собственного удовольствия, – сказал Петух. – Предлагаю, пригласить Лису, потому что без девушек за столом скучно.

– А давайте сначала станем разбойниками, – предложил Пёс, и оскалился так, что Кот и Петух попрыгали под стол, а Осёл никак не прореагировал.

И они стали отличными разбойниками. И очень быстро собрали необходимую сумму с проезжающего через лес населения, а также с провозимых на транспорте грузов. Им нужны были деньги для раскрутки коллектива, то ли десять миллионов, то ли даже пятнадцать. Потом, уже используя эти денежные ресурсы, они раскрутились, как положено, через радио, телевизор, а также внутри лесных массивов. То есть, запланированная слава, наконец, пришла.

И докатилась их слава до города Бремена, и прислали им оттуда one-way ticket каждому, и исполнили они там свои песни о жизни разбойников в дремучих лесах под аккомпанемент Бременского филармонического оркестра – крепкий лирический шансон. А бременские любители музыки даже плакали, думая, что это про свежий ветер перемен и падение берлинской стены.

То есть, в конце концов, не только сбылась мечта, а даже получилось ещё лучше.

А. П. Чехов приходит в театр без билета

Один режиссер так полюбил А. П. Чехова, что ставил только его пьесы. Поставит, например, пьесу «Дядя Ваня», а потом сразу за «Три сестры» принимается. А после них сразу – спектакль «Чайка». Ну, а потом опять всё по-новой – «Дядю Ваню», «Три сестры», а за ними снова «Чайку», но уже в новой интерпретации.

Но вот однажды, в грустную годовщину смерти писателя, произошло странное событие. Где-то к последнему акту в ложу вдруг садится некий господин – в пенсне, с небольшой бородкой, отдаленно напоминающий Антона Павловича Чехова.

В зале было по традиции темно – спектакль шёл – «Три сестры».

Когда же спектакль закончился, и актёры стали выходить на поклон, этот, предполагаемый Антон Павлович, перелез через барьер ложи и вышел вместе с актёрами и режиссером на сцену. Цель у него была одна – пожать крепким бронзовым пожатием руку режиссеру-постановщику. Собственно, для этого он и сошёл с постамента в Камергерском переулке, на котором стоял неподвижно с 1998 года.

Актёры, как племя неверное и вечно недовольное и режиссером, и репертуаром, и зарплатой, узнав классика по пенсне и бородке, стали вдруг ни с того, ни с сего скандировать: «Зачем живем, зачем страдаем?»

Как бы, опосредованно, жалуясь на режиссера, выбор репертуара и зарплату, но в то же время, выражая почтение, цитированием знаменитого классика. Собственно тут и придаться не к чему – текст из последней сцены пьесы «Три сестры».

Странно, что и зрители, которых никто не заставлял покупать дорогие билеты и идти смотреть спектакль «Три сестры» в новой интерпретации, тоже подхватили этот лозунг.

И громогласное «Зачем живем, зачем страдаем?», в зрительском исполнении, уже даже стало напоминать какой-то политический лозунг, никак неуместный в театре.

Режиссер был человек образованный, читал не только Чехова, но и Пушкина, сразу заподозрил недоброе при появлении бронзового изваяния, но все еще тайно надеялся, что это не к нему. Давал надежду материал, из которого был сделан монумент – бронза.

– Нет, не каменный! – думал он, – Точно! Бронзовый! Не посмеет!

Но бронзовый Чехов, в отличие от реального – мягкого и интеллигентного, от своей затеи отступать не собирался и смотрел не на публику, и не на актеров, а конкретно – в сторону режиссера.

Статуя Чехова. Дрожишь? Ты ставил «Три сестры»?

Режиссер. Да я.

Статуя Чехова. В который раз?

Режиссер. Не помню.

Статуя Чехова. Дай руку.

Режиссер. Вот она.

Бронзовая статуя жмет руку.

Статуя Чехова. Не надо больше пьесы мои ставить.

Режиссер. «Оставь меня,пусти. Я гибну – кончено!»

Проваливается.

Но на этом еще дело не кончилось. Расправившись с режиссером, классик направился в бухгалтерию.

Бухгалтер еще не ушла домой, а только красила губы перед зеркалом. Работая не первый год в театре, она привыкла к дурачествам и розыгрышам актеров. Но здесь было что-то другое. Она это сразу почувствовала, потому что зеркало вдруг выскользнуло из её рук и разбилось на мелкие кусочки, оповещая об уже случившейся беде и предстоящих незапланированных расходах.

Оказалось, что классик не случайно зашел именно в бухгалтерию. Он принес туда заявление с требованием оплатить причитающийся ему гонорар – восемь процентов от каждого сбора, за все спектакли. Вот так фокус!

Оставив ошолбеневшую и в полном недоумении бухгалтершу, но, не пожав ей руку, он стремительно вышел, гремя бронзовыми ботинками, и сразу направился в адвокатскую контору, к очень известному адвокату и с его профессиональной помощью, написал подробное завещание на всех своих детей.

Искушенный читатель спросит: «Какие дети? При чем тут дети? У Антона Павловича Чехова не было детей!»

Да, не было. Но он захотел, чтобы они появились!

Не теряя зря времени, он прямо от адвоката поспешил в перинатальный центр. Нашел нужную лабораторию, сдал материал, как положено, и отправился срочно искать суррогатную мать.

И довольно быстро отыскал ее – среди своих же коллег – врачей, – симпатичную, крепенькую докторшу, отдаленно напоминающую Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову. Но на ней было не длинное платье с висящим медальоном, как на супруге Чехова, а брюки да медицинский халатик. И разговор, на заданную классиком тему, между ними был не любовно-сахарный, а сугубо деловой и медицинский с использованием латыни в нужных местах.

Когда все проблемы с потомством были решены, бронзовый классик вздохнул с удовлетворением глубоко от того, что все дела переделал, да и зашагал твердой поступью обратно к себе, в Камергерский переулок и встал там на свой гранитный постамент.

С той поры, забоялись режиссеры ставить пьесы А. П. Чехова, опасаясь прихода бронзового гостя.

Примечание:

Памятник А. П. Чехову

Материал – бронза

Постамент – гранит

Воспоминания старого разведчика

Старый седой заяц, одетый в собственный мех, а сверху ещё мягкий махровый халат, садиться к письменному столу писать воспоминания.

Стучит лапами по клавиатуре, остановиться не может, столько накопилось внутри – надо дать выход.

В разведку попал не случайно – отбирали строго, отсеивали жестоко. Взяли сразу. Мужской шарм – раз, уши – локаторы – два, глаза всегда косые и никогда не пьянеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.